

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

### ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

28—30 сентября 1970 г. в Воронежском госуниверситете состоялась конференция на тему «Ленин и филологические науки». 18 докладов были посвящены изучению отдельных явлений языка произведений В. И. Ленина, 3 — общеметодологическим вопросам.

В докладе «Язык как система знаков в свете ленинской теории отражения» И. П. Распопов (Воронеж) обосновывал билатеральную теорию языкового знака, в соответствии с которой языковой знак рассматривается как двусторонняя (психофизиологическая по своей природе) сущность. Автор пытался преодолеть известную антиномию значимости (сознание отражает — языковой знак обозначает реалии внешнего мира) на основе ленинской теории познания. В докладе «Методология изучения языка в свете философских взглядов В. И. Ленина» З. Д. Попова (Воронеж), опираясь на мысль В. И. Ленина о том, что несмотря на принципиальную важность противопоставления материи и сознания для гносеологии, различие между ними не является абсолютным, рассматривала механизмы языковых процессов. В докладе И. А. Фигуровского (Елец) «Проблема адекватного отражения и язык в свете высказываний В. И. Ленина» говорилось о том, что процесс познания отражается в изменении грамматических и лексических значений.

Явления лексической синонимии в языке произведений В. И. Ленина были освещены в докладах В. Н. Кротовой (Воронеж), В. К. Лотарева (Мичуринск). На богатом материале были показаны характерные черты индивидуального стиля В. И. Ленина, наизывание синонимов и градация, показаны особенности употребления системных и контекстуальных синонимов. В докладе «Градация как полемический прием» М. В. Федорова (Воронеж) показала, что изучение языка произведений В. И. Ленина позволяет уточнить ряд положений теоретической лингвистики, в частности отграничить родо-видовые лексические группы и градационные ряды от собственно синонимических средств языка.

Ю. Т. Листрова (Воронеж) анализировала лексико-семантические и лексико-морфологические средства выражения степеней признака (в языке ленинских выступлений по вопросу о мире с Германией) с точки зрения их семантики, стилистической окраски и употребления. Лексике произведений В. И. Ленина были посвящены также доклады Р. Ф. Титовой (Воронеж) «Словообразовательные неологизмы», Р. В. Херольянц (Воронеж) «Иноязычная лексика в письмах В. И. Ленина», Г. Л. Щегулиной (Липецк) «Языковые средства эмоциональности в публицистике В. И. Ленина», А. К. Кочеткова (Елец) «Сложносокращенные слова в телеграммах и письмах В. И. Ленина».

В докладе «Из наблюдений над эволюцией стиля В. И. Ленина — публициста» Е. М. Дубровина (Мичуринск) рассмотрела явления лексического повтора. В период до 1905 г. В. И. Лениным используется буквальный повтор (битве, битве, битве), характерный для народной речи и представляющий собой один из приемов демократизации публицистического стиля. В дальнейшем повтор у В. И. Ленина усложняется, средства экспрессии становятся разнообразнее. В некоторых произведениях советского периода повтор становится как бы сквозным, пронизывающим все произведение. Н. К. Соколова (Воронеж) в докладе «Речевые средства популяризации у В. И. Ленина» рассматривала главным образом явления переносного словоупотребления. Стилистические наблюдения над средствами достижения ясности, точности, лаконизма и живости речи пыталась показать Е. А. Авдющенко (Тамбов) в докладе «О типичных качествах речи В. И. Ленина как публициста».

В докладе Р. К. Кавецкой (Воронеж) «Ленин и советская лексикография» были показаны достижения практической и теоретической лексикографии.

На конференции было представлено пять синтаксических докладов. В докладе В. И. Собиенниковой (Воронеж) было показано соотношение книжных и разго-

ворных элементов в языке В. И. Ленина (в рамках именного составного сказуемого). В докладе Е. А. Назиковой (Воронеж) «Синтаксические средства пояснения в языке произведений В. И. Ленина» были прослежены структурные особенности пояснительных конструкций и их функции в сопоставлении с теми же явлениями в языке В. Г. Плеханова. О самой распространенной в языке В. И. Ленина конструкции (с однородными членами) доложила А. И. Чижик-Полейко (Воронеж).

Два доклада были посвящены некоторым типам связи предложений как независимых структур: это доклады О. В. Озаровского (Тамбов) «Характеристике семантико-синтаксических отношений между отдельными предложениями» и И. Я. Чернухиной (Воронеж) «Местоимение *это* как одно из средств связи самостоятельных предложений».

В выступлениях по докладам доказывался тезис о материальной сущности языкового знака (Е. Б. Артеменко), сопоставлялась правомерность выделения градационных рядов из системы синонимических отношений (В. К. Лотарев),

указывалось на необходимость учета синтаксических конструкций, в которых возможно проявление градационных отношений (О. В. Озаровский); указывалась также нетипичность метафоризации для языка В. И. Ленина, где выразительность достигается по преимуществу неэкспрессивными средствами (Е. В. Авдюшенко). Высказывалось мнение о необходимости исследований обобщающего характера; исследований о языке определенных произведений В. И. Ленина разных периодов его творчества, работ сопоставительных, показывающих язык В. И. Ленина в сравнении с языком других публицистов и общественных деятелей его эпохи (М. А. Шлыкова). Участники конференции отметили, что синтаксис языка В. И. Ленина изучен недостаточно. Нет работ о таких характерных для его индивидуального стиля явлениях, как парцелляция конструкций, уточнение и пояснение, вставные, вводные, сложные предложения, период.

Краткое изложение докладов, прочитанных на конференции, будет напечатано отдельным сборником.

А. И. Чижик-Полейко (Воронеж)

\*

7—8 октября 1970 г. в Институте русской литературы (Пушкинском доме) АН СССР состоялась сессия Отделения литературы и языка АН СССР, Института русской литературы АН СССР, Института русского языка АН СССР и Комиссии по истории филологических наук АН СССР, посвященная памяти академика А. А. Шахматова (к 50-летию со дня смерти).

Во вступительном слове Д. С. Лихачев (Ленинград) напомнил, что основными направлениями научной деятельности А. А. Шахматова были история русского языка, история русского летописания и проблема происхождения русского народа. С этими темами были связаны конкретные исследования памятников языка, памятников народного творчества, различных языковедческих, археографических, этнографических и других вопросов. Каждая тема представляла для А. А. Шахматова собственную ценность и связывалась им с общей проблематикой науки. Так, история летописания привлекала его не только как средство проверки подлинности исторических фактов, но прежде всего потому, что история летописных сводов была частью истории культуры русского народа. Д. С. Лихачев подробно останавливается на многообразной научно-органи-

заторской деятельности А. А. Шахматова. А. А. Шахматов превратил руководимое им Отделение русского языка и словесности в высоко авторитетный центр русской национальной культуры, он возобновил издание Известий ОРЯС и сделал этот журнал одним из лучших филологических журналов мира, он был инициатором издания «Энциклопедии славянской филологии», для обсуждения проекта которой в 1904 г. был созван Российской Академией наук первый съезд славистов. А. А. Шахматов стремился к объединению всех славянских академий, для чего накануне первой мировой войны был созван учредительный съезд. Д. С. Лихачев напоминает о роли А. А. Шахматова в осуществлении орфографической реформы, о поддержке им идеи академических изданий русских классиков.

Далеко не второстепенным делом была деятельность А. А. Шахматова как директора Библиотеки Академии наук. Он превратил БАН в важнейший центр научной работы по вопросам собирания, изучения рукописей, библиографии и библиотековедения. Он способствовал выходу в свет библиографических пособий, придавал огромное значение составлению каталогов, стремясь создать справочный аппарат, который бы объединил все научные библиотеки. Характеризуя преподавательскую деятельность А. А. Шахмато-

ва, Д. С. Лихачев напоминает, как раз-нообразен был круг предметов, по которым А. А. Шахматов читал курсы, вел семинары и просеминары: это были история русского языка, церковнославянский язык, русская диалектология, история летописания, «Слово о полку Игореве», памятники древнерусской литературы.

А. А. Шахматов мог стать организатором науки, авторитетом, с мнением которого считались, ибо он обладал высокими нравственными достоинствами, обаянием крупного ученого и скромного человека.

Ф. П. Филин (Москва) в докладе «А. А. Шахматов и проблемы происхождения восточнославянских языков» подчеркнул, что А. А. Шахматов впервые в нашей науке сумел воссоздать цельную картину происхождения восточнославянских языков и диалектов. Его труды в этой области актуальны и в наше время. Докладчик сосредоточил свое внимание на трех кардинальных вопросах. Первый из них — вопрос о единстве происхождения восточных славян и их языков, как он представлен в учении А. А. Шахматова, — неожиданно оказался чрезвычайно актуальным сейчас, в связи с попытками воскресить ошибочную гипотезу С. Смал-Стоцкого, утверждавшего, что украинский язык выделялся непосредственно из праславянского языка. Второй вопрос касается возникновения диалектных особенностей древнерусского языка. Широко распространена теория, согласно которой диалектные границы возникают на месте границ феодальных княжеств. Но еще А. А. Шахматов предложил выделять в древнерусском языке три наречия — южнорусское, севернорусское и восточно-или среднерусское; при этом зоны, занимаемые этими наречиями, не совпадали ни с границами феодальных княжеств, ни с племенными границами. При наличии постоянных контактов населения различных областей, особенно по речным путям, непостоянные границы уделов не играли решающей роли. В работе, которую подготовил к печати Ф. П. Филин, выделено примерно 80 фонетических, 47 морфологических, 32 синтаксических и 120 лексических диалектных зон. Часть этих зон восходит ко времени образования общеславянского языка, другая часть возникла в эпоху образования восточных славян, третья — в IX—XII вв., четвертая — в период распада древнерусского языка и, наконец, пятая — в процессе образования и развития отдельных восточнославянских языков. Каждый последующий этап развития языка трансформировал прежние диалектные границы и приводил к постепенному напластованию изоглоссов. Такая картина диалектного членения древнерусского языка исключает всякую возможность существования в VII—XIII вв. русского, украинского и белорусского

языков. Третий вопрос касается возникновения отдельных восточнославянских языков. Нарастание диалектных отличий постепенно создавало почву для распада древнерусского языка, но этот распад смог осуществиться лишь при определенных исторических условиях, которыми являлось татаро-монгольское нашествие и переход западных и юго-западных областей Руси под власть польско-литовских феодалов.

С докладом «Значение лингвистических трудов А. А. Шахматова для современного славянского языкознания» выступил В. В. Колесов (Ленинград)<sup>1</sup>.

Л. С. Ковтун (Ленинград) сделала доклад на тему «Основная идея шахматовской лексикографии»<sup>2</sup>.

В докладе А. П. Евгеньевой (Ленинград) «Фольклорные записи А. А. Шахматова» была охарактеризована собирательская деятельность ученого, который во время своих поездок для собирания диалектных материалов одновременно вел записи произведений устного народного творчества. А. А. Шахматовым были записаны многие русские и белорусские сказки, былины, свадебные и похоронные причитания, загадки, духовные стихи и сотни песен. Эти записи А. А. Шахматова представляют особый интерес, поскольку они сделаны лингвистически точно. Однако лишь часть этих богатейших материалов опубликована. Многие записи были сделаны карандашом, мелким бисерным почерком; со временем они могут стать еще более трудночитаемыми. Особенно важно было бы опубликовать собрание песен, записанных А. А. Шахматовым в Калужской губернии, поскольку у нас нет больших собраний песен для южнорусских говоров. Фольклорные записи А. А. Шахматова представляют одновременно и факты языка, и факты словесного искусства, и факты этнографии, что придает им особую ценность.

Доклады, посвященные лингвистическим воззрениям А. А. Шахматова, вызвали оживленные прения. Л. П. Жукowska (Москва) выразила свое согласие с представленной в докладе Ф. П. Филина постановкой вопроса о диалектных изоглоссах и отметила, что до сих пор недостаточно налажена общая исследовательская работа лингвистов, этнографов и археологов, результаты которой могли бы помочь решению спорных вопросов возникновения и существования древнерусских диалектов. К сожалению, лингвисты-русисты мало привлекают и данные о неславянских языках на территории европейской части страны, и это лишает их возможности судить о языковых субстратах, влиявших на формирова-

<sup>1</sup> Доклад В. В. Колесова публикуется в этом номере журнала.

<sup>2</sup> Доклад Л. С. Ковтун публикуется в этом номере журнала.

ние севернорусских и южнорусских наречий. Б. Л. Богородский (Ленинград) остановил свое внимание на требованиях А. А. Шахматова рассматривать историю языка на фоне достижений археологии, этнографии, фольклористики и истории культуры. В настоящее время истории русского языка не опираются на достижения этих смежных наук, работа лингвистов часто ограничивается поисками внутренних закономерностей языка без привлечения конкретных материалов истории народа. О. В. Творогов (Ленинград) говорит о необходимости систематических наблюдений над принципами древнерусской орфографии. Это открыло бы перед исследователями новые возможности для локализации и датировки рукописей и позволило бы им с большей объективностью разграничивать явления фонетического и орфографического характера.

На сессии были прослушаны также доклады В. А. Кучкина (Москва) «А. А. Шахматов и проблема реконструкции древнейшего летописания», Я. С. Лурье (Ленинград) «А. А. Шахматов и летописание XV в.» и Б. М. Клосса (Москва) «А. А. Шахматов и хронографическая основа летописания», в которых отмечалась роль А. А. Шахматова как создателя научной истории русского летописания и указывалось на плодотворность шахматовской методики изучения летописных сводов. В. В. Кукешкина (Ленинград) выступила с докладом «А. А. Шахматов — директор Библиотеки АН СССР». Доклад С. О. Шмидта (Москва) «А. А. Шахматов и советское архивное строительство» был посвящен научно-организационной деятельности А. А. Шахматова. Отношение А. А. Шахматова к студенческим волнениям 1911 г. было темой доклада «Новые материалы о А. А. Шахматове», прочитанного М. А. Робиным (Москва). С. В. Чирков (Москва) в докладе «А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков» сообщил неизвестные факты научного общения этих ученых. В прениях по докладом выступили С. Н. Азбелев, В. В. Коргузалов, В. А. Кучкин, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье, О. И. Подобедова и С. О. Шмидт.

В решении сессии была отмечена необходимость издания сборника документов о научно-организационной деятельности А. А. Шахматова и издания полного текста «Обозрения русских летописных сводов». 9 октября участники сессии возложили венок на могилу А. А. Шахматова на Волковом кладбище.

О. В. Творогов (Ленинград)

\*

20—22 октября 1970 г. в Москве в Институте языкознания АН СССР состоялась конференция по актуальным вопро-

сам пранистики и индоевропейского сравнительного языкознания, посвященная профессору Василию Ивановичу Абаеву в связи с 70-летием со дня рождения ученого и 45-летием его научной и педагогической деятельности.

Во вступительном слове член-корр. АН СССР В. Н. Ярцева (Москва) подчеркнула широту научных интересов В. И. Абаева, сочетающего в себе лингвиста-индоевропейца, праниста и осетивоведа, и отметила, что столь обширный круг вопросов, вынесенный на данное собрание, обусловлен именно этим обстоятельством.

На конференции прослушано двадцать два доклада. В них были рассмотрены вопросы индоевропейского языкознания, сравнительно-исторического исследования иранских языков, типологии, составительного анализа, языкового взаимодействия и т. д. Ряд докладов был посвящен конкретным вопросам иранской этимологии и топонимики.

В докладе Э. А. Макаева (Москва) «Проблема индоиранского языкового единства» критиковалась концепция индоиранского праязыкового единства, которое докладчик отрицает. Общие же черты индийских и иранских языков объясняются докладчиком длительным периодом их географического сосуществования и контактирования, а также одинаковым воздействием на них извне. Следствием контактов этих двух групп языков являются, по мнению докладчика, появление общих инноваций в результате параллельного, но независимого развития, а также консервация некоторых черт поэтического языка, восходящих еще к индоевропейской эпохе.

В докладе В. Н. Ярцевой «О глагольных категориях инфинитива индоевропейских языков» были затронуты вопросы отражения в инфинитиве глагольных категорий, выраженных в парадигме личных форм, а также степень глагольности инфинитива в различных индоевропейских языках. Максимальная выраженность именных черт в морфологии и синтаксических связях может сочетаться в инфинитиве с такими синтаксическими значениями, которые обычно присущи глагольным комплексам. Сочетание именных и глагольных черт в инфинитиве неодинаково в различных индоевропейских языках, как и границы парадигматических и синтагматических потенциалов инфинитива, зависящие от специфики глагольной системы конкретных языков, фрагментом которой является инфинитив.

Доклад М. М. Гухман (Москва) «Кельто-германские изоглоссы и проблема инноваций» был посвящен проблеме места инноваций в ареальной лингвистике. Здесь были рассмотрены ареальные инновации, представляющие изоглоссы,

которые связывают как Кельтские, германские и отдельные другие языки (например, отдельные семантические группы в лексике), так и — в особенности — пучки системных изоглосс, которые связывают только кельтские и германские языки. Особо в этой связи были отмечены фонетические и морфологические изменения в этих языках, связанные с динамическим акцентом на первом слоге: потеря или упрощение системы постпозитивных формантов, превращение в морфемы служебных слов и т.п.

В докладе В. А. Дыбо (Москва) «О рефлексах индоевропейского ударения в афганском» на основе анализа большого материала делается вывод о том, что в афганском языке сохранилась общая схема разностепенного индоиранского ударения, и что даже материально в деталях афганское ударение с поразительной точностью совпадает с ведийским.

В. С. Расторгуева (Москва) в докладе «О явлениях агглютинации в иранских языках» рассмотрела развитие агглютинации, наблюдаемой в абсолютном большинстве новоиранских языков. Явления агглютинации наблюдаются уже в языках среднеиранской языковой эпохи. Они появляются как побочное следствие перестройки морфологической структуры этих языков от синтеза к анализу. В именных частях речи агглютинация возникает часто в связи с постепенным сужением функций старых флексивных окончаний. В глаголе возникновение агглютинации обычно бывает связано с явлением вторичного синтеза ряда сравнительно новых аналитических форм.

Вопросам взаимодействия двух диалектных систем внутри одного языка на примере осетинских диалектов — иронского и дигорского — был посвящен доклад М. И. Исаева (Москва) «О взаимодействии двух близкородственных языковых систем (на осетинском языковом материале)». Докладчик отметил, что это взаимодействие может породить третью систему (среднюю между данными двумя), имеющую, наряду с унаследованными от исходных систем, свои собственные закономерности, что является признаком ее жизнеспособности (в данном случае — системы смешанного иронско-дигорского наречия Уаллагкома).

Сопоставительному анализу были посвящены доклады Р. С. Султанова (Баку) «О типологическом сопоставлении указательных местоимений персидского и русского языков» и К. К. Курдоева (Ленинград) «Объектная и безобъектная конструкции в заза и курманджи». В первом сопоставлялись указательные местоимения древнеперсидского, современного персидского и русского языков, во втором — синтаксические конструкции с переходными глаголами в прошедшем времени и морфологическое оформление со-

ставляющих их компонентов в заза и курманджи.

В трех докладах рассматривались вопросы исторического анализа отдельных грамматических категорий живых бесписьменных иранских языков памирской группы. Доклад Т. Н. Пахалиной (Москва) «Сравнительно-историческая характеристика личных местоимений южно-памирских языков» был посвящен этимологии личных местоимений в южно-памирских языках. В докладе В. А. Ефимова (Москва) «К вопросу о генезисе имен на -а в мунджанском» анализируется происхождение данного показателя в именах существительных и прилагательных и его связь с категорией рода. В докладе Д. И. Эдельмана (Москва) «К истории язгулямских местоимений» реконструируется староязгулянская система указательных местоимений.

Ю. Ю. Авалдани (Самарканд) в докладе «К сравнительно-историческому и сопоставительному исследованию иранской фразеологии» подчеркнула важность сравнительно-исторического и синхронно-сопоставительного планов исследования фразеологии для выявления путей возникновения и дальнейшей «отработки» различного рода устойчивых сочетаний в разных группах языков. При этом особое внимание было обращено на роль контактов, обеспечивающих общность фразеологии и отдельных формул-фразеологизмов разных (в том числе и генетически разнородных) языков в определенных языковых ареалах (например, в таких многоязычных городах, как Самарканд).

Вопросы лексикой рассматривались в двух докладах. В одном из них — «К вопросу о словообразовательных отношениях имени и глагола в иранских языках» Л. С. Пейсикова (Москва) — анализировалась словообразовательная модель «имя → глагол», которую докладчик рассматривает как модель конверсионного характера, реализующуюся включением имени в глагольную словоформу. В другом — «Семантическая модификация арабских заимствований в персидском языке» Ю. А. Рубинчика (Москва) — были прослежены различные типы изменения семантики арабских слов, усвоенных персидским языком: утрата самостоятельного значения, приобретение нового значения (полностью или частично), сохранение значения. Говорилось и о причинах несовпадения значений арабских заимствований в персидском со значениями этих слов в литературном арабском языке.

Серия докладов была связана в большей или меньшей степени с этимологией отдельных иранских слов. А. З. Розенфельд (Ленинград) в докладе «К терминологии родства и свойства в юго-восточных говорах таджикского языка» делит термины родства и свойства в юго-восточных таджикских говорах по их

происхождению на три группы: собственно иранские, арабские и тюркские. Из собственно иранских автор подробнее останавливается на происхождении отсутствующих в литературном языке терминах (*h)evār* «деверь» и *sin(h)or* «невестка». Доклад И. М. Оранского (Ленинград) *katiŋqati* — осет. (диг.) *xāssā* содержал попытку доказать возможность происхождения этих слов, встречающихся во многих иранских языках, от общей древнеиранской основы типа \**kati*; впрочем докладчик не исключает и другой возможности — их тюркского происхождения. В докладе Л. Г. Герца (Берга) (Ленинград) «*Xāmusu fyrt*» делалась попытка возвести имя героя нартовского эпоса Батрада к древнеиранскому *Vδtraupa-*. О. Г. Тедеева (Тбилиси) в докладе «Об этимологии нескольких осетинских слов» аргументировала грузинское происхождение еще одной группы осетинских лексем. В докладе Дж. Ш. Гиунашвили (Тбилиси) «О происхождении слова «стакан» было высказано предположение о персидском источнике этого слова (из формы *dustkani/dustgani*). И. М. Стеблин-Каменский (Ленинград) в докладе «Ваханское (*žə)māk*, «(моя) луна», (*y)imāḱ* „хвойник“ и древнеиранское *hauma*» проследил отражение в фактах современных восточноиранских языков, в частности ваханского и мунджанского, древнеиранского культа луны и культового напитка хаомы.

Два доклада были посвящены топонимическим вопросам. В докладе А. Л. Хромова (Душанбе) «Ягнобские архаизмы в топонимических названиях» было показано, что в составе топонимов сохраняются такие ягнобские слова, которые в современном языке уже неупотребительны. Это — слова старого иранского (согдийского) наследия, имеющие параллели в других восточноиранских языках. Доклад А. Дз. Цагаевой (Орджоникидзе) «Древнейший слой в топонимике Северной Осетии» был посвящен рассмотрению разновременных и разнородных топонимических пластов этого ареала. Здесь отмечались названия иранского (осетинского) происхождения, значительный слой необъясненных топонимов, названия кавказского слоя, византийско-римские вкрапления, тюрко-монгольский и славянский слои. Большую часть составляют топонимы, восходящие к кавказскому субстрату.

В заключительном слове В. С. Расторгуева подвела итоги конференции. Будучи посвящена обсуждению широкого круга вопросов иранского и индоевропейского языкознания, конференция явилась лучшим подарком наших лингвистов юбиляру, плодотворно работающему в этих областях. Отметив разнообразие тематики, рассмотренной на кон-

ференции, В. С. Расторгуева подчеркнула, что она по необходимости была все же ограничена языковедческой направленностью, тогда как в исследованиях В. И. Абаева немалую долю занимает проблематика фольклора, истории, этнографии. Как положительный факт в работе конференции В. С. Расторгуева назвала очень высокую активность ее участников, поскольку практически каждый зачитанный доклад нашел отклик в выступлениях, а некоторые из них вызвали оживленную дискуссию.

Д. И. Эдельман (Москва)

\*

С 11 по 13 ноября 1970 г. в Институте языкознания АН СССР проводился Симпозиум по сравнительно-историческому изучению тюркских языков, организованный Сектором тюркских языков института. В работе симпозиума приняли участие специалисты из Москвы, Ленинграда, Баку, Ашхабада, Фрунзе, Новосибирска, Томска, Казани, Уфы, Чебоксар, Карачаевска и других тюркологических центров страны.

Открывая симпозиум, Э. Р. Тенишев отметил определенное оживление, наблюдаемое за последние годы в области создания отечественных работ по сравнительной фонетике и грамматике тюркских языков (труды А. М. Щербака, А. Н. Кононова, Э. В. Севортыяна, Н. З. Гаджиевой и др.). Ныне задача заключается в дальнейшем разрывании исследований по истории тюркских языков и создании трудов синтетического характера («Сравнительная грамматика тюркских языков»).

Предварительной программой симпозиума для обсуждения были предложены следующие проблемы: 1) Понятие общетюркского языкового состояния; 2) Соотношение сравнительно-исторического и типологического методов в исследованиях по тюркским языкам; 3) Реконструкция как исследовательский прием в тюркском сравнительно-историческом языкознании.

По первой, наиболее общей из выдвинутых проблем было заслушано три доклада. Э. В. Севортыя (Москва) в докладе «О содержании термина «общетюркский»» определил понятие «общетюркский» как языковое явление, установленное в ряде живых тюркских языков или сохранившееся в памятниках, и поставил принципиальный вопрос — в какой степени общетюркский факт может считаться пратюркским? По мнению докладчика, чем дальше в глубь веков, тем вероятнее совпадения общетюркского и пратюркского, особенно в лексике. Параллельные корневые формы в различных тюркских языках

(например, *ун, ин и ын* «голос», *эт- и эт-цетъ», учун и ичин* «для»), которые не удается свести к более старым (и единым) архетипам, по-видимому, представляют собой диалектные расхождения дописменной поры, но они тем не менее являются пратюркским достоянием с наметившимися в нем локальными особенностями.

Подобный вывод представляется сравнительно новым для тюркологии, но индоевропеистика уже давно превзошла этот уровень благодаря успехам лингвогеографии. Говоря о соотношении между общетюркскими и ареальными явлениями, следует иметь в виду, что последние могут уходить корнями в общетюркское состояние и быть унаследованными в языках, относящихся к разным ареалам: к примеру, ротализм и ламбдаизм сохранились не только в чувашском, но встречаются и в турецком.

Э. Р. Тенишев (Москва) в докладе «К понятию общетюркского состояния» рассматривал «общетюркский» и близкие синонимы — «первоначальная тюркская общность», «гипотетический язык древнейших тюркских племен» — как набор восстанавливаемых и считающихся наиболее архаическими тюркских языковых форм. С этой позиции докладчик подробно проанализировал понятие общетюркского состояния на фонетическом уровне, предложенное Н. Н. Поппе<sup>1</sup>, и выделил рациональные моменты, согласно которым намечаются контуры обособления этой общности вплоть до ее распада на родственные наречия. Э. Р. Тенишев наметил два этапа общетюркского языка: основы — ранний и поздний, характеризующиеся определенным набором фонетических и морфологических признаков; большое значение докладчик придает установлению промежуточных языковых общностей.

Доклад Т. М. Гаринова (Уфа) «Понятие общетюркского языка-источника и вопросы исторического развития кыпчакских языков» посвящен уточнению как места общетюркского языкового состояния в глобальной схеме исторического развития тюркских языков, так и состава данной общности с точки зрения относящихся к ней конкретных лингвистических фактов (преимущественно на примере подобности кыпчакских языков Урала и Поволжья).

В частности, по мнению докладчика, методически неправомерно вычленять булгарскую ветвь из общетюркского состояния языков и в то же время оперировать чувашско-кыпчакскими соответствиями.

По второй проблеме было прослушано пять докладов.

Э. А. Макаев (Москва) в докладе «О задачах построения сравнительной грамматики тюркских языков» говорил о том, что «общетюркский» и «пратюркский» должны различаться и терминологически и хронологически, причем принцип относительной хронологии оказывается неизмеримо важнее принципа абсолютной хронологии. Относя понятие «общетюркский» к эпохе, намного предшествовавшей появлению письменных памятников, докладчик отметил, что унифицированного общетюркского состояния никогда не существовало, поскольку и на этом уровне развития существовал ряд диалектов.

Критикуя мнение о том, что тюркские языки с их регулярными парадигмами якобы непригодны для компаративистских целей (А. Мейе), Э. А. Макаев указал, что в действительности языков с «идеальной» морфологией не бывает; «преимущество» тюркских языков перед индоевропейскими заключается в прозрачности морфемных швов. Докладчик призвал не ограничиваться построением сравнительной грамматики, а сразу же приступать к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, отсекая типологически конвергентные стыки их с монгольскими и другими алтайскими языками.

Н. З. Гаджиева (Москва) в докладе «Методы изучения истории синтаксических единиц в тюркских языках» отметила, что общая тенденция синтаксиса тюркских языков заключается в трансформации самостоятельных грамматических единиц в несамостоятельные (ср. генезис примыкания). При этом отношения определения и определяемого изоморфны отношениям конкретного и абстрактного (в слове *демирджилик* «кузнечное ремесло» аффикс имени деятеля *-джи-* конкретнее аффикса отвлеченности *-лик*). Реконструкция синтаксиса должна сопровождаться морфологической реконструкцией.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «Составительно-типологические excursus и конкретное сравнительно-историческое изучение тюркской грамматики» на конкретных примерах показала возможность структурно-типологической верификации предполагаемого состава морфем в той или иной грамматической форме. Значительное внимание уделялось морфологической автономности местоименного и именного падежных склонений, что находит себе типологические параллели в ряде иносистемных языков. Особенно явственно прослеживается эта автономность в языке «Кутадгу билиг» (XI в.), ощутимо сохраняются в поэтических произведениях более позднего средневековья, написанных на тюркском, а в настоящее время разрозненными

<sup>1</sup> См.: Н. Поппе, *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen*, Tl. I. — *Vergleichende Lautlehre*, Wiesbaden, 1960, стр. 8 и сл.

осколками представлена в различных тюркских языках и диалектах.

М. Ш. Рагимов (Баку) в докладе «Значение неродственных языков на территории Азербайджана в сравнительно-историческом изучении тюркских языков огузской группы» доказывал, что талышские говоры, к примеру, в отдельных случаях лучше сохранили огузскую архаику, нежели азербайджанский литературный язык. Докладчик резко критиковал смешение понятий «древнетюркский» и «пратюркский», предлагая ограничить каждое из этих понятий определенными хронологическими рамками.

Д. М. Насилов (Ленинград) в докладе «Типологические сопоставления в рамках сравнительно-исторического изучения отдельных грамматических категорий», высказавшись за необходимость изучать одновременно означающие и означаемые, предложил начинать сопоставительно-типологические исследования с определения и описания таких типологических констант микросистем тюркских языков, как, например, каузативные и пассивные структуры. Касаясь вопроса о памятниках древнетюркской письменности и использования их данных в качестве тех или иных языковых доказательств, докладчик указал на необходимость в полной мере учитывать типы языковых памятников и не забывать о том, что они не могут считаться непосредственно отражающими язык или диалект племени.

Больше всего докладов (7) было посвящено третьей проблеме симпозиума.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) детально рассмотрела методику В. В. Радлова в сравнительно-историческом исследовании якутского консонантизма. Продолжая начатое В. В. Радловым изучение якутского языка с точки зрения соотношения тюркских элементов (их Радлов насчитывал 32%), монгольских (26%) и остальных (неизвестного происхождения — более 41%), Е. И. Убрятова уделила основное внимание воздействию тунгусо-маньчжурских языков на якутский. Она выявила значительный эвенкийский пласт в якутской системе согласных, которая, как и в эвенкийском, кетском, юкагирском, показывает бедность проточных и полное развитие смычных.

А. П. Дульзон (Томск) в докладе «Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков» ознакомил участников симпозиума со своей гипотезой перестройки «классных» языков (типа енисейских) в «неклассные» (типа тюркских) на основании учета логического, исторического и типологического критериев. Наряду с поисками архетипов внутри данного языка и близкородственных языков докладчик считает не менее важными фаноморфологические сопоставления с соответственными

вариантами в языках отдаленного родства (для тюркских — в монгольских и тунгусо-маньчжурских, с одной стороны, в уральских и енисейских — с другой).

А. М. Щербак (Ленинград) в докладе «К вопросу о падежных формах на -ра, -ру, -ры в тюркских языках и их соответствиях в монгольских языках» на основе морфологического и семантического анализа исследуемых форм пришел к заключению, что в большинстве своем они представляют глагольные образования с позднейшей реинтерпретацией конечного -r основы и деепричастного аффикса -а (*tašir*— «выводить наружу» + -а > *taš-ra*).

В. И. Асланов (Баку) в докладе «К проблеме реконструкции корневых морфем в исторической лексикологии азербайджанского языка» говорил о необходимости выделять первичные («дисторические») и вторичные корни, учитывать автонимичность и синонимичность морфем, помнить про значимость обоих компонентов парных слов и т. п. Докладчик представил на обсуждение ряд конкретных реконструкций на материале азербайджанского языка.

И. Г. Добродомов (Москва) в докладе «Тюркские заимствования славянских языков как источник сведений по исторической фонетике тюркских языков» проанализировал большое число случаев, когда для тюрко-булгарского соответствия с — ш дают рефлексы, утраченные современным чувашским языком: тюркск. *сазан* — русск. диал. *шаран* при чувашск. *сасан* (из татарск. или русск.). В ряде случаев славянский материал позволяет вскрыть заимствованный характер чувашских слов типа *сурăх* «овца» (татарск. *сарык*) на основе русского и белорусского диалектных *шўрка* «овца», которое пошло в русские говоры (казанский) из татарского языка в виде *саргă*.

В докладе Ф. А. Ганиева (Казань) «К вопросу о фонетическом словообразовании в татарском языке (в историческом освещении)» рассматривался прием опущения звука (звуков) как живое, хотя и малопродуктивное средство словообразования в современном татарском языке. Вопреки существующему мнению, в живой речи прием прибавления звука (звуков) не используется как способ фонетического словообразования. Докладчик предлагает квалифицировать соответствующие примеры как проявление морфологического неразложения, деглутинации и т. п.

Ш. Х. Акбаев (Карачаевск) в докладе «Сравнительно-исторический метод в тюркологии и генезис балкарского цоканья» отметил, что происхождение малкарского цоканья обычно объяснялось влиянием осетинского языка (Н. А. Караулов, В. И. Абаев). Для правильного решения проблемы необходимо включить



это явление в орбиту сравнительно-исторического анализа и рассматривать его в составе закономерных соответственных рядов, прежде всего в близкородственных (куманских) языках.

Э. В. Севортян в заключительном слове подвел итоги обсуждения поставленных проблем, указав, что на симпозиуме оказались представленными несколько научных направлений: общетюркское — общие классификационные построения (Э. Р. Тенишев, отчасти — Т. М. Гаринов и др.); изучение иноязычных элементов в тюркских языках (Е. И. Убратова) и поиски отдаленного родства языков (А. П. Дульзон); сравнительно-историческая морфология (А. М. Щербак, А. Н. Коновов) и сравнительно-исторический синтаксис с опорой на морфологию (Н. З. Гаджиева), представляющие новое направление в отечественной тюркологии; сопоставительно-типологическое направление (Г. Ф. Благова, Д. М. Насилов), которое только начинает развираться; историко-лексикологическое и фонетическое направления (В. П. Асланов, М. Ш. Рагимов, Ш. Х. Акбаев), интересные частными методиками, хотя этимологические выкладки были не бесспорны; участие специалистов по иносетственным языкам (Э. А. Макаев, а также И. Г. Добродомов), что всегда обогащало тюркологию.

Было принято предложение редколлегии журнала «Советская тюркология» о публикации материалов симпозиума в одном из номеров журнала.

Участники высказали также пожелания о ежегодном проведении подобных симпозиумов по более узкой тематике.

Т. М. Гаринов (Уфа)

\*

25—27 июня 1970 г. в Ленинградском гос. ун-те им. А. А. Жданова проходила I Всесоюзная конференция по испанской филологии, посвященная 100-летию юбилею со дня рождения В. И. Ленина. В работе конференции приняло участие свыше 200 человек — научных работников, преподавателей высших и средних школ различных городов Советского Союза.

На пленарных и секционных заседаниях конференции было прослушано 68 докладов по различным актуальным вопросам теории и истории испанского языка и его литературы, по сравнительно-историческому и сравнительно-сопоставительному изучению языка, по новым методам применительно к испанскому языку, а также вопросы, связанные с взаимоотношением литературных языков и диалектов

Во вступительном слове акад. М. П. Алексеев (Ленинград) охарактеризовал значение конференции и задачи, поставленные конференцией перед учеными страны. Касаясь актуальных вопросов испанской филологии, О. К. Васильева-Шведе (Ленинград) отметила, что потребность в созыве первой всесоюзной конференции по испанской филологии давно назрела в связи с необходимостью обсуждения перспективного плана научно-исследовательской работы, обмена опытом и координации всех сил испанистов.

На первом пленарном заседании с большим интересом был прослушан доклад А. А. Касаткина (Ленинград) «Учение В. И. Ленина и задачи лингвистики как социальной науки». Докладчиком были поставлены и по-новому рассмотрены проблемы социологического исследования. Для советского языкознания, и в частности для романского языкознания, вопросы, связанные с ленинскими идеями о развитии наций и языка, с проблемой государственности и национального языка, языка и диалекта имеют большое значение, поскольку романские языки дают очень пеструю картину социального развития и становления языков.

Р. А. Будаговым (Москва) был поднят сложный вопрос о месте испанского среди романских языков. На большом и интересном материале было показано, что своеобразие места одного языка среди других родственных языков не может быть сведено только к эпохе их зарождения. Свообразие каждого языка в родственной группе языков определяется не только условиями их генезиса, но и условиями всего последующего развития каждого отдельного языка. В этой связи классификация романских языков, а следовательно, и определение места испанского среди этих языков должны базироваться на таких факторах, как генетический, внутренне- и внешнелингвистический.

В докладе об актуальных проблемах испанской филологии О. К. Васильева-Шведе выделила и охарактеризовала основные направления, по которым проводилась научно-исследовательская работа в области отечественной испанистики. Одновременно докладчиком были намечены очередные задачи, стоящие перед советскими испанистами. Для дальнейшего успешного развития испанистики необходимо углублять и расширять научно-исследовательскую работу, внедрять результаты изучения лингвистической теории в читаемые студентам курсы, резко увеличить и улучшить подготовку кадров средней и высшей квалификации и создавать высококачественные учебники и учебные пособия вузовского типа. Касаясь грамматического строя испанского языка, докладчик подробно остановился на значении морфологии и синтаксиса неличных форм глагола для сравнительно-

исторического и сопоставительного изучения романских языков. Изучение этого вопроса представляет, по мнению докладчика, общелингвистический интерес в связи с проблемой нефлективной морфологии, а при сопоставлении с гасконским и провансальским — для проблемы структурного сходства или различия в грамматическом строе западнороманских языков «промежуточной зоны», т. е. для классификации романских языков вообще.

Изучению испанского языка Америки и его значению для испанского, романского и общего языкознания было посвящено выступление Г. В. Степанова (Ленинград). Привлечение американского материала, отметил докладчик, необходимо не только для воссоздания закономерных соответствий между языками романской группы, но также и для сравнительно-сопоставительного изучения романских языков в синхронном плане. Знакомство с данными испано-американской речи позволит более полно осветить картину исторического развития испанского языка. Типические расхождения между собственно испанским вариантом и американскими разновидностями ставят перед исследователем новую задачу типологического изучения вариантов как в системе родственных, так и неродственных языков.

Д. Е. Михальчи (Москва) было раскрыто значение сотрудничества с носителями индейских языков для изучения особенностей американских вариантов испанского языка.

Вопросу о прикладных методах в языкознании был посвящен доклад И. В. Михайловой (Ленинград) и Р. Г. Пятровского (Ленинград). Было отмечено то значение, которое приобретает в наши дни статистика и автоматический анализ лингвистического материала.

Значение лингвистической географии при изучении языков Пиренейского полуострова было отмечено в докладе М. А. Бородиной (Ленинград). Предварительные эксперименты, проведенные на территории Пиренейского полуострова, дают интересный материал в этой области исследований.

В. А. Лисицкий (Воронеж) в своем докладе об историко-фонетических проблемах романских языков Испании (вокализм) остановился на анализе тех исследовательских приемов, которые позволяют дать более глубокие характеристики романскому вокализму на Пиренеех.

В докладе В. Г. Гака (Москва) была рассмотрена специфика родственных языков на разных уровнях реализации. Докладчик отметил, что в реальном пользовании речью элементы системы, структуры, нормы и узуса сливаются в едином акте номинации, но различение этих сторон в плане научной абстракции может оказаться полезным для осознания ус-

ройства и процесса использования языка.

После пленарного заседания проводилась работа в секциях. Всего работало пять секций: секция грамматики 1, секция грамматики 2, секция лексикологии, стилистики и перевода, секция литературоведения и секция методики. Не имея возможности подробно осветить работу всех секций, остановимся несколько подробнее на работе некоторых из них.

В докладах, прочитанных на заседании секции грамматики 1, обсуждались вопросы модальных отношений в системе испанского и португальского глагола (Э. Ф. Бубновская, Е. Г. Голубева, Е. В. Литвиненко), глагольного вида, времени и залога (Л. И. Лухт, Н. М. Фирсова, И. Ф. Мельцев), системы местоимений в испанском и португальском языках (Е. М. Вольф, В. И. Киселева, В. И. Силецкий), структуры глагольно-именных конструкций (А. А. Назарова). Основное внимание участников заседаний секции было направлено на установление и уточнение проблематики, требующей дальнейшей разработки.

На заседаниях секции грамматики 2, собравших наибольшее число участников, обсуждались проблемы синтаксиса (Э. И. Левинтова, К. В. Лампа, В. Д. Федоров, А. В. Супрун, Р. А. Заубер), система предлогов испанского языка (М. Н. Деев), синтаксическая синонимия португальского языка (М. А. Родионова), неличные формы глагола (М. А. Габинский, Н. Ф. Самусенко), особенности разговорной речи (Н. Д. Арутюнова, Б. Х. Эйбус, Г. К. Неустроева, Н. Е. Фролова).

С большим интересом были прослушаны доклады на секции лексикологии, стилистики и перевода. Тематика их была разнообразной: сопоставительный анализ лексики иберо-романских языков (Д. С. Гельфанд), суффиксальная деривация в латиноамериканском варианте испанского языка (А. А. Кротова), испанские заимствования в молдавских говорах (В. С. Сербала), еще одна попытка в интерпретации фонетического перехода  $f > h$  (И. А. Короленько), мосарабское *estad yana-está a la puerta* (А. Б. Черняк) и др.

Ряд докладов, посвященных испанской и южноамериканской литературе, был прочитан на пленарных и секционных заседаниях.

На конференции были подведены итоги деятельности испанистов-филологов за годы советской власти и определены наиболее важные и перспективные направления дальнейшей научной и методической работы испанистов-филологов.

Доклады, прочитанные на конференции, отразили основные научные устремления советских испанистов и результаты их исследовательской работы в различных областях испанской лингвистики и литературоведения.

Докладчики и выступавшие в прениях

(всего в прениях приняло участие около 70 человек) проявили большой интерес к теоретическим проблемам, касающимся методологии лингвистического и литературоведческого исследования, подвергли обстоятельному обсуждению сложные и спорные вопросы языкового и литературного процессов в Испании, Португалии и Латинской Америке. Этот интерес советских испанистов к теории тем более важно отметить, что в зарубежной романистике за последнее время наблюдается ослабление внимания к насущным вопросам теории и методологии.

Следует отметить, что реальное содержание конференции оказалось шире ее названия, ибо вопросы каталанской, португальской, галлийской филологии, проблемы других романских языков также явились предметом обсуждения.

На заключительном пленарном заседании были обсуждены итоги конференции, обобщены предложения и пожелания ее участников. В принятой резолюции нашел отражение ряд важных положений, среди которых следует отметить следующие: ходатайствовать о создании периодического печатного органа по испанистике; урегулировать вопрос о введении испанского языка в среднюю школу; отметить крайне неудовлетворительное положение, сложившееся с выпуском учебной литературы по испанскому языку для вузов и средних школ, и принять необходимые меры для ликвидации этого ненормального положения и др. Следующую, II Всесоюзную конференцию по испанской филологии решено провести в 1975 г. в г. Москве с привлечением зарубежных ученых. В промежутке между двумя всесоюзными конференциями намечено организовать два-три симпозиума по конкретным научным и методическим вопросам.

И. А. Короленко (Ленинград)

\*

25 ноября 1970 г. состоялось заседание Лингвистического объединения при Лаборатории вычислительной лингвистики МГУ, посвященное семидесятилетия со дня рождения М. М. Бахтина. Открывая заседание, Б. А. Успенский отметил, что научная деятельность М. М. Бахтина обнимает самые разные гуманитарные дисциплины, и это заставляет считать ученого ярким представителем той нерасчлененной, комплексной науки, которую по аналогии с общим языкознанием и общим литературоведением можно было бы назвать общей филологией. Идеи М. М. Бахтина очень современны и включаются в ка-

честве необходимого элемента в комплекс научных представлений XX в. Цель заседания — сделать первый шаг в раскрытии плодотворности и богатства научных трудов М. М. Бахтина.

В докладе А. А. Дорогова «Идеи М. М. Бахтина в историко-культурном контексте» были освещены основные вехи жизненного и творческого пути М. М. Бахтина. М. М. Бахтин родился 17 ноября 1895 года в г. Орле. Вслед за своим братом Н. М. Бахтиным (1893—1950), впоследствии известным лингвистом и филологом, М. М. Бахтин поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Петербургский университет в предреволюционные годы был крупным научным центром: достаточно назвать в области литературоведения школу А. Н. Веселовского, представленную в то время рядом его учеников и продолжателей (испанистом Д. К. Петровым и другим), в области общего языкознания — школу И. А. Бодуэна де Куртэна, в области классической филологии — школу Ф. Ф. Зелинского, учеником которого считает себя М. М. Бахтин. В особенности важным для формирования научных интересов и научного облика М. М. Бахтина были работы Ф. Ф. Зелинского по античному театру и по римской ораторской прозе (о Цицероне). Другой круг интересов М. М. Бахтина в университете был связан с занятиями философией.

В конце 20-х годов М. М. Бахтин выдвинул целый ряд новых идей в области психологии, литературоведения, языкознания, которые нашли отражение в ряде публикаций того времени<sup>1</sup>; тогда же вышла книга М. М. Бахтина о Ф. М. Достоевском<sup>2</sup>.

Для того чтобы полнее воспринять общую систему идей М. М. Бахтина, необходимо обратиться к тому историко-культурному контексту, в котором эти идеи формировались и высказывались. Ленинград 20-х годов был интереснейшим центром культуры и более узко — гуманитарного знания. Непосредственное окружение М. М. Бахтина состояло из таких людей, как его ученик, последователь и сотрудник В. Н. Волошинов, литературоведы П. Н. Медведев и Л. В. Пуплянский, пидолог М. И. Тубянский, биолог И. И. Канаев, писатель К. Вагинов, музыковед И. И. Соллертинский. Научная концепция М. М. Бахтина в области литературоведения и языкознания оформлялась во многом в связи с осмыслением теории и практики ОПОЯЗ'а и как определенная

<sup>1</sup> В. Н. Волошинов, Фрейдизм. Критический очерк, Л., 1927; П. Н. Медведев, Формальный метод в литературоведении, Л., 1928; В. Н. Волошинов, Марксизм и философия языка, Л., 1929; 2-е изд. — Л., 1930.

<sup>2</sup> М. М. Бахтин, Проблемы творчества Достоевского, Л., 1929.

оппозиция к ним. Считая научную деятельность ОПОЯЗ'а значительным этапом в развитии литературоведческого анализа, мимо которого не может пройти ни один исследователь, М. М. Бахтин не мог принять теорию искусства, созданную ОПОЯЗ'ом («искусство как прием»), равно как и более поздние идеи, высказанные представителями «формальной школы» и их продолжателями (теория «литературного быта», «фор-соц» и др.). Прежде всего, для него была неприемлема идея «особости» языка художественной литературы по отношению к обыденному языку. По Бахтину, различия функций языка определяются различиями его применения. Для него также был неприемлем взгляд на художественное произведение и вообще на языковой текст как на замкнутую систему. Всякое произведение, всякий текст имманентно включен в сферу «идеологии» (в широком смысле слова), которая имеет свое существование только в знаковой форме и выполняет функции памяти, управления и общения в человеческом обществе. Смысл текста определяется различными формами его актуализации (всегда исторически конкретными) в контексте того или иного социального действия. Попадая в различные социальные контексты, языковой текст изменяет свой смысл; поэтому всякий текст принципиально многозначен и в этом смысле неисчерпаем. По мнению А. А. Дорогова, как деятельность ОПОЯЗ'а была связана с практикой русских поэтов-футуристов, так и идеи М. М. Бахтина можно связать в некотором смысле с другой линией в русской поэзии, происхождение которой достаточно сложно и не вполне еще выяснено (однако здесь можно отметить некоторые черты творчества В. В. Хлебникова и О. Э. Мандельштама). Видным деятелем этой линии был К. Вагинов. Н. М. Олейников и поэты-обереуты: Н. А. Заболоцкий, А. И. Введенский, Д. М. Хармс, Ю. Д. Владимиров. Если в первом случае (футуристы — ОПОЯЗ) исследуется поведение слова в пределах языка, по отношению к языковому контексту и тем самым как бы открывается и устанавливается все то многообразие смыслов, которое в слове заключено и которое можно из него извлечь («самовитое» слово — теория острания), то во втором случае (Бахтин — Вагинов — обереуты) основной является установка на восприятие слова, включение его в систему жизненной ситуации. В первом случае смысл слова определяется изменениями языкового контекста, во втором случае — изменениями социального контекста. М. М. Бахтин, таким образом, утверждает необходимость выйти за рамки синтактики и перейти в область исторической семантики и социально-прагматического анализа слова и текста.

В работе о Ф. М. Достоевском

М. М. Бахтин показал, как в самой структуре произведений Достоевского воплощается идея незамкнутости системы человеческих отношений в общении, непрерывного и бесконечного раскрытия истины, неправомерности последнего суда над человеком. Способ работы Достоевского как читателя — создание таких провоцирующих, экстремальных ситуаций, при которых социально-этические идеи-сущности, воплощенные в действующих лицах, выражались бы в «вечном» диалоге.

А. А. Дорогов отметил, что новый этап прочтения трудов М. М. Бахтина наступил в 60-е годы, когда появилось второе, переработанное издание его книги о Достоевском («Проблемы поэтики Достоевского», М., 1963) и была издана монография «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (М., 1965). Через произведения Рабле М. М. Бахтин смог увидеть и реконструировать совершенно новый исторический феномен, оставшийся вне историографии, — феномен народной культуры европейцев с тысячелетней традицией непрерывного исторического бытия, идущей из античности. Книга М. М. Бахтина заставляет многое из известного в истории переосмыслить и по-новому взглянуть на средневековье, Ренессанс и античность.

Положение М. М. Бахтина о том, что письменный текст, не будучи замкнутым, имеет историческое бытие и что жизнь текста в обществе выдвигает бесконечное множество его смысловых решений, полностью оправдывается как раз на трудах самого ученого. Именно в наше время, когда и в лингвистике, и в семиотике углубленное исследование синтактики сменялось повышенным вниманием к семантике, глубоко современными оказались работы М. М. Бахтина, в которых был предвосхищен этот новый этап развития семиотики. Поэтому труды М. М. Бахтина имеют выход в лингвистику и литературоведение, семиотику и социологию, философскую антропологию и историю культуры.

Более детально связь научной концепции М. М. Бахтина с современными представлениями семиотики была вскрыта В. В. Иваном в в докладе «Значение идей М. М. Бахтина о знаке и высказывании для современной семиологии». В. В. Иванов поддержал высказанное Э. Бенвенистом мнение о том, что в развитии семиотики наступил новый этап по сравнению с Ч. Пирсом и Ф. де Соссюром. Ориентировка на знак сменялась ориентировкой на высказывание, благодаря чему становится возможным полноценное описание таких семиотических систем, как кино или музыка. Этот новый этап в развитии семиотики в высокой степени соотносится со взглядами М. М. Бахтина, который предложил различать исследование знаков как таковых и исследо-

дование текстов как объектов понимания. Знак-элемент противопоставляется знаку-высказыванию. Значимость этого разграничения отчетливо видна, например, в современном кино, в котором, в отличие от немого кино 20-х годов, отсутствует монтажная фраза, легко составляющаяся из отдельных кадров (планов), а кадр часто равен высказыванию. Для обозначения науки, исследующей высказывание, начиная от структуры абзаца и кончая структурой целого романа, в современной французской семиотике введены специальные термины «трансливистика». Основной формой высказывания М. М. Бахтин считает диалог. Вообще проблема диалога выступает лейтмотивом творчества М. М. Бахтина, и вопросы, занимающие его, так или иначе связываются с проблемой диалога. Незавершенность, незамкнутость всякой коммуникативной системы, по мнению М. М. Бахтина, берет начало в диалоге. Это может быть свернутый диалог — вступления или несобственно прямая речь, которая в искусстве XX в. получает новую значимость. В этой связи отмечалось, что уже в 20-ые годы был вскрыт словесный знаковый характер психоанализа, причем слово как «сценарий словесной ситуации» предлагалось рассматривать именно в ситуации общения<sup>3</sup>. Если обратиться к роману, то установка на диалог проявляется в том, что роман предлагается понимать как диалогизированную систему разных языков. Здесь естественно параллель с историей лингвистики, по отношению к которой активное многоязычие, сопоставление своего языка с чужим выступает мощным фактором развития. «Диалогический» подход позволяет М. М. Бахтину представить роман как контрапункт разных стилей и жанров.

Следующая проблема, связанная с диалогом, — это проблема «другого» («я для себя» — «я для другого»). М. М. Бахтин показывает, как в полифоническом романе Достоевского отказ от монологической субстанции идеи приводит к диалогу как форме постижения мира, к исследованию функций идей.

В заключение В. В. Иванов коснулся теории карнавала, сформулированной М. М. Бахтиным в монографии о Рабле; при этом подчеркивались специально такие черты карнавала, как незавершенность и диалогическая открытость, би-

нарный характер семиологических карнавальных противопоставлений, инверсные отношения внутри этих бинарных оппозиций.

Трактовка М. М. Бахтиным различных обрядово-зрелищных форм была подвергнута специальному обсуждению в докладе П. Г. Богатырева «Значение трудов М. М. Бахтина для фольклористики»; особая ценность доклада — в большом количестве собственных фактических наблюдений, приведенных докладчиком. П. Г. Богатырев отметил, что значение монографии М. М. Бахтина о Рабле выходит далеко за границы поставленной темы: закономерности в развитии культуры, раскрытые М. М. Бахтиным, применимы — с учетом специфических черт различных эпох — к фольклору и вообще к народному искусству стран, не входящих в романский мир; в частности, появляется возможность по-новому подойти к фольклору и этнографии славян, проанализировав заново и уже известный материал и данные, добытые в недавнее время в полевой обстановке.

Обращаясь далее к исследованиям пещного действа, докладчик отметил, что халдеи в пещном действе говорят на диалектном просторечии на фоне церковнославянского наречия. Эти факты параллельны приводимым у М. М. Бахтина замечаниям о наличии особого диалекта у каждого из персонажей в комедии деЛ'арте.

П. Г. Богатырев остановился на конкретных формах проявления смеховой народной культуры у славян, показав, какое выражение здесь находят отмеченные М. М. Бахтиным карнавальные свобода, нарушения сословной иерархии, отвержение права собственности в период празднеств (роль масок, обряды торжественного убоя скота, ярмарочный фольклор — расешники, балаганные деды и т.д.). Современная фольклористика, заключил П. Г. Богатырев, не может пройти мимо трудов М. М. Бахтина, и любое исследование так или иначе должно сверяться с его результатами.

Общая мысль всех трех докладов — работы М. М. Бахтина опередили свое время, настоящее полное звучание они приобрели только в 60-е годы XX в. Необходимо основательное изучение работ М. М. Бахтина и активное включение его идей в научную практику гуманитарных наук нашего времени.

<sup>3</sup> В. Н. Волошинов, Фрейдизм.

# В КОМИССИИ ПО НАСЛЕДИЮ АКАДЕМИКА В. В. ВИНОГРАДОВА

Постановлением Бюро ОЛЯ АН СССР от 30 декабря 1969 г. об увековечении памяти акад. В. В. Виноградова была образована Комиссия по наследию акад. В. В. Виноградова в составе: акад. М. П. Алексеев — председатель, чл.-корр. АН СССР В. Г. Базанов и акад. Д. С. Лихачев — заместители председателя, д-р филол. наук В. Г. Костомаров и канд. филол. наук Ю. А. Бельчиков — ученые секретари, акад. УССР И. К. Белодед, доктора филол. наук Н. Н. Прокопович, Н. Ю. Шведова, В. И. Малышев, И. Л. Андронников, Ю. В. Рождественский, канд. филол. наук Н. И. Толстой. Бюро ОЛЯ АН СССР просило Комиссию подготовить проспект издания избранных трудов акад. В. В. Виноградова для внесения на рассмотрение РИСО АН СССР.

18 ноября 1970 г. состоялось 5-ое заседание Комиссии по наследию акад. В. В. Виноградова. В заседании приняли участие акад. Д. С. Лихачев, Н. М. Малышева-Виноградова, В. А. Белошапкова, Ю. А. Бельчиков, В. Г. Костомаров, Н. Н. Прокопович, Ю. В. Рождественский, Н. И. Толстой, Г. Ф. Благова. Председательствовавший Д. С. Лихачев предоставил слово для доклада о проекте плана издания трудов акад. В. В. Виноградова Н. И. Толстому.

Н. И. Толстой сказал, что по предварительным подсчетам, объем научного наследия В. В. Виноградова равен собранию в 30 томов по 30 печ. л. каждый (т. е. около 1000 печ. л.). Чрезвычайно разнообразна и весьма актуальна тематика трудов акад. В. В. Виноградова: теория общего и славянского языкознания, грамматический строй русского языка, его история, формирование и современное состояние русского литературного языка, его исторические корни и взаимодействие с древнеславянским, его стилистическая система, поэтика, стилистика, русская художественная речь, язык крупнейших русских писателей (Пушкина, Гоголя, Лермонтова и др.), история русской литературы, текстология (атрибуция текста), история русской лексики (этимология, семантика, стилистика), история русского языкознания, культура русской речи. Труды акад. В. В. Виноградова знаменовали собой новый этап (после трудов акад. А. А. Шахматова и Л. В. Шербы) в развитии науки о русском языке, они подвели итог более чем полуторавекового ее развития и заложили фундамент современных научных представлений о русской грамматике, лексике, стилистике, фразеологии. Акад. В. В. Виноградов работал и публиковал свои труды более полувека. Он очень редко их переиздавал. Они разбросаны в разных, часто почти недоступных изданиях. Часть работ покойного академика опубликована за границей.

Сейчас не представляется возможным издать все научное наследство акад. В. В. Виноградова. Академия наук СССР может выпустить в свет лишь часть его исследований в виде серии избранных работ. В эту серию должны войти основные, наиболее важные, теоретически значимые и необходимые для дальнейшего развития науки труды.

Предварительно предполагается издание 14 томов с общим объемом 300—320 листов (объем отдельного тома около 30—32 листов). Каждый том должен представлять тематически завершенное целое, независимо от содержания других томов:

- том I. Русская классическая литература (35 печ. л.);
- том II. Поэтика, стилистика, культура русской речи (32 печ. л.);
- том III. Истоки и развитие русского литературного языка (30 печ. л.);
- том IV. Теория общего и русского языкознания (25 печ. л.);
- том V. Русская грамматика и лексикология (28 печ. л.);
- том VI. Русский язык (1947, 59 печ. л.);
- том VII. О Пушкине (32 печ. л.);
- том VIII. Язык писателей (57 печ. л.);
- том IX. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. (1938, 33 печ. л.);
- том X. Русские языковеды (58 печ. л.);
- том XI. История русских слов (33 статьи + рукопись);
- том XII. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Очерки из истории звука ъ (1923);
- том XIII. Язык Пушкина (1933, 34 печ. л.);
- том XIV. Стиль Пушкина (1941, 48 печ. л.).

Н. И. Толстой призвал проявить особую заботу к изданию ранних литературоведческих трудов В. В. Виноградова, которые в своей совокупности составляют т. I «Русская классическая литература». Раскрывая далее содержание каждого тома, Н. И. Толстой отметил, что при составлении тома на первое место выдвигаются работы, в которых поставлены более общие проблемы; этот принцип комбинируется с принципом хронологической последовательности.

## I. «Русская классическая литература».

1. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем протоп. Аввакума (1923);
2. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский (1929);
3. Гоголь и натуральная школа (1925);
4. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» (1921);
5. О «литературной циклизации». «Невский проспект» Гоголя и «Confessions of an english opium-eater» де-Квинси (1928);
6. Достоевский и Лесков (1961);
7. Сюжет и архитектура романа Достоевского «Бедные люди» в связи с воп-

росом о поэтике натуральной школы (1924); 8. «Попрошайка» Достоевского; 9. И. С. Гевслер и Ф. М. Достоевский — редактор «Гаванских сцен» (1964); 10. Незнакомый очерк-фельетон Ф. М. Достоевского; 11. Тургенев и школа молодого Достоевского (1959); 12. Реализм и развитие русского литературного языка (1957); 13. Об авторстве двух статей «Литературной газеты» в 1830—1831 гг. на украинские темы (Сомов, Пушкин или Гоголь) (1960); 14. Неизвестное стихотворение Н. М. Карамзина (1957) (атрибуция анонимного текста); 15. История одной литературной подделки (1958); 16. О поэзии Анны Ахматовой (1925); 17. О трудах Ю. Н. Тынянова по истории русской литературы первой половины XIX века (1967).

**II. «Поэтика, стилистика, культура русской речи»:** 1. Поэтика и ее отношение к лингвистике и истории литературы (1962); 2. О теории поэтической речи (1962); 3. О художественной прозе (1930); 4. К построению теории поэтического языка. Учение о системах речи литературных произведений (1927); 5. Проблема сказа в стилистике (1926); 6. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления (1958); 7. Наука о языке художественной литературы и ее задачи (1958); 8. Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы (1957); 9. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы (1955); 10. Язык художественного произведения (1954); 11. О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка) (1955); 12. Общие проблемы изучения языка художественной литературы в советскую эпоху (1958); 13. Итоги обсуждения вопросов стилистики (1956); 14. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры (1961); 15. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания (1964); 16. О русском языке как орудии культуры (1964); 17. Заметки о языке советских художественных произведений (1955); 18. Лингвистические основы научной критики текста (1958).

**III. «Истоки и развитие русского литературного языка»:** 1. Основные этапы истории русского языка (1940); 2. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв. (1946); 3. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка (1958); 4. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. (1969); 5. Вопросы образования русского национального литературного языка (1956); 6. Об образовании восточнославянских национальных литературных языков (1960); 7. Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков (1949); 8. Раз-

личия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху (1963); 9. Революционная роль Вука Караджича в формировании сербского национального литературного языка (1965); 10. «Споры в современной лингвистике об основных понятиях и терминах в истории литературных языков» (1966) (на сербск. яз.); 11. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией (1964); 12. История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова (1964); 13. О новых исследованиях по истории русского литературного языка (1969); 14. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры (1963); 15. К истории лексикологии русского литературного языка (1927); 16. О процессах развития и разрушения омонимии в кругу соотносительных русизмов и древнеславянизмов (1966); 17. Основные итоги разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР (1962);

**IV. «Теория общего и русского языкознания»:** 1. О формах слова (1944); 2. Основные типы лексических значений слова (1953); 3. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка (1951) и (1962); 4. Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков (1946); 5. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (1952); 6. О категории модальности и модальных словах в русском языке; 7. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины (1946); 8. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке (1947); 9. Русский язык (БСЭ<sup>1</sup>, т. 49, 1941); 10. Великий русский язык.

**V. «Русская грамматика и лексикология»:** 1. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках (1968); 2. О грамматической омонимии в современном русском языке (1940); 3. Об омонимии и смежных явлениях (1960); 4. Об омонимии служебных слов в современном русском языке (1967); 5. Об омонимии в русской лексикографической традиции (1967); 6. Омонимия изгнана стрелой (1969); 7. Принципы построения русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» АН СССР (1956); 8. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка); 9. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка (1950); 10. Вопросы изучения словосочетаний (1954); 11. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (1954); 12. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии (1953); 13. О некоторых вопросах теории русской лексикографии (1956); 14. Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского язы-

кознания (1966); 15. Толковые словари русского языка.

VII. «О Пушкине»: 1. Основные проблемы пушкиноведения на современном этапе (1962); 2. О стиле Пушкина (1934); 3. Стиль «Пиковой дамы» (1936); 4. Стиль и композиция первой главы «Евгения Онегина» (1966); 5. К изучению языка и стиля пушкинской прозы (работа Пушкина над повестью «Станционный смотритель») (1949); 6. Из истории стилей русского исторического романа (Пушкин и Гоголь) (1958); 7. Пушкин и русский язык (1937); 8. А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка (1949); 9. Пушкин и русский литературный язык XIX в. (1941); 10. О художественной речи Пушкина (1967); 11. Стилистические методы определения авторства и воспроизведения авторского текста в советском пушкиноведении (1961); 12. О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина (1964); 13. Неизвестные заметки Пушкина в «Литературной газете» 1830 г. (1939); 14. Об одной мнимопушкинской эпиграмме на Москву (1966).

VIII. «Язык писателей»: 1. Язык и стиль басен Крылова (1945); 2. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева (1949); 3. О стиле Карамзина и его развитии (1966); 4. Проблемы стилистики перевода в поэтике Карамзина (1966); 5. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка (1953); 6. Этюды о стиле Гоголя (1926); 7. Язык Гоголя (1936); 8. О языке ранней прозы Гоголя (1951); 9. Язык Лермонтова (1938); 10. Стиль прозы Лермонтова (1941); 11. О языке Толстого (1939); 12. Язык Зощенки (1928); 13. О стиле книги К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве» (1958).

X. Русские языковеды: 1. Русская наука о русском литературном языке (1946); 2. Развитие науки о русском языке в Московском университете (1955); 3. Современный русский язык, вып. I (1938); 4. И. В. Ягич (1963); 5. Будун-де Кургенз (1963); 6. Вопросы синтаксиса рус-

ского языка в трудах М. В. Ломоносова (1950); 7. Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике (1951); 8. Синтаксические воззрения А. Х. Востокова и их значение в истории русского языкознания (1951); 9. Синтаксические взгляды профессора А. В. Добыша (1948); 10. А. А. Потебня (1938); 11. Учение А. А. Потебни о стадильности развития синтаксического строя в славянских языках (1946); 12. О IV томе «Из записок по русской грамматике» А. А. Потебни; 13. А. А. Шахматов (1922); 14. Русский литературный язык в исследованиях А. А. Шахматова (1948); 15. Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах слова и о частях речи в современном русском языке (1952); 16. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова (1950); 17. Л. В. Щерба (1940); 18. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы (1951); 19. Синтаксические взгляды и наблюдения акад. Л. В. Щербы (1952); 20. М. Н. Покровский (1959); 21. Профессор Селищев как историк русского языка (1947); 22. В. И. Чернышев как исследователь русского литературного языка (1947); 23. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия (1950); 24. Синтаксическая система проф. М. Н. Петерсона в ее развитии (1964); 25. Синтаксическая концепция акад. Л. А. Булаховского (1965); 26. Научная деятельность акад. С. П. Обнорского (1958).

Председатель Комиссии акад. М. П. Алексеев доложил на заседании Бюро ОЛЯХ АН СССР 16 февраля 1971 г. проект плана издания избранных трудов акад. В. В. Виноградова. В обсуждении проекта участвовали акад. М. Б. Храпченко, чл.-корр. АН СССР Г. С. Бархударов, чл.-корр. АН СССР В. Н. Ярцева, Н. И. Толстой. Принято решение утвердить издание первых пяти томов (не менее 200 печ. л.).